

россия *в* мемуарах

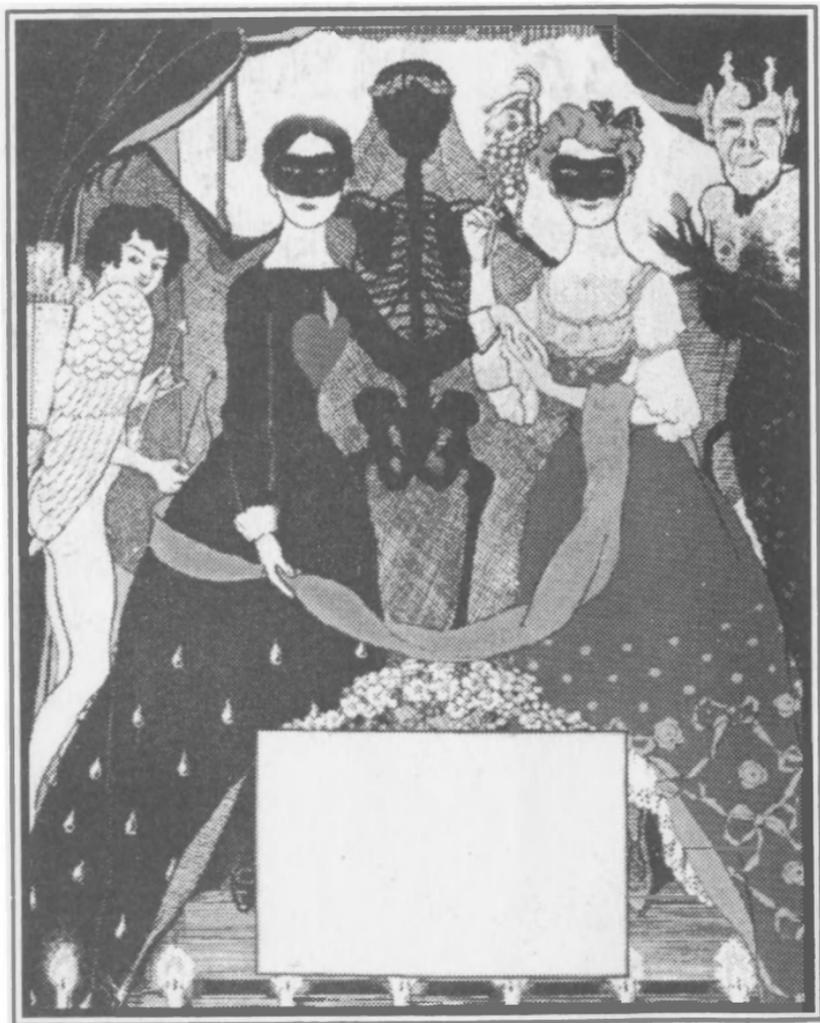

Вл. Пяст

ВСТРЕЧИ

россия в мемуарах

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

россия & мемуарах

Вл. ПЯСТ
ВСТРЕЧИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Вступительная статья,
подготовка текста и комментарии

Р. Тименчика

Редактор
А. Рейтблат

Художник
Н. Пескова

Корректор
Е. Чеплакова

Адрес редакции:
129626, Москва, И-626, а/я 55
тел./факс: (095) 194-99-70

Пяст Вл.

Встречи. Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент.
Р. Тименчика. — М.: Новое литературное обозрение, 1997. —
416 с.

ISBN 5-86793-026-2

В книгу Владимира Алексеевича Пяста (1886—1940) — поэта, переводчика, мемуариста — вошли его воспоминания «Встречи» (1929) о петербургском литературном быте эпохи символизма и акмеизма («среды» Вяч. Иванова, редакция «Аполлона», Цех поэтов, кабаре «Бродячая собака» и т.п.). В книге даны яркие портреты как ключевых фигур литературы того времени (А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, Н. Гумилев, М. Кузмин, В. Розанов, Ф. Сологуб и др.), так и многих литераторов второго и третьего ряда. В качестве приложения помещены статьи Пяста о Блоке, Брюсове, Белом и Вяч. Иванове, а также его автобиографическая «Поэма в ношах». Существенно дополняет книгу обширный комментарий, включающий цитаты из мемуарных и эпистолярных источников, многие из которых публикуются впервые.

В оформлении издания использована работа К.А. Сомова — эскиз титульного листа книги «Театр» (1907 г.)

ISSN 0869-6365

ISBN 5-86793-026-2

© Вступ. статья, сост., коммент.
Р. Тименчик, 1997

© Художественное оформление
«Новое литературное обозрение», 1997

Я помню через несколько недель свое первое, имевшее место там же, знакомство с новым секретарем или помощником секретаря «Вопросов Жизни» (с 1905 года вместо «Нового Пути» стал выходить журнал под этим заглавием, с несколькими измененным составом редакции и сотрудников). Г.И. Чулков, тогда 26-ти лет, получил как бы повышение: сделался фактическим редактором художественно-литературного материала. Секретарем же редакции был назначен только что приехавший из ссылки в «не столь отдаленные места» (тогдашнюю Вологодскую губернию) и поселившийся при редакции А. М. Ремизов. С ним жила и его — ставшая столь известной в литературных кругах благодаря прямоте своих суждений обо всем, а также «почтительному восхищению», которым всегда окружал ее муж, — очень полная, крайне болезненная (страдавшая желчными припадками) жена — Серафима Павловна Ремизова-Довгелло.

Это впоследствии стал Алексей Михайлович разукрашивать свою квартиру золотой и серебряной бумагой и страшными игрушками: чертенятами да обезьянами. Это после он придумал орден «Обезьяньего знака», которого кавалерами сделал он всех своих приятелей из литературного, художественного, музыкального, артистического, политического мира, которых у него было так много, — и даже просто всех своих добрых знакомых, никому другому не ведомых лиц, которых Ремизов, однако, увековечивал, выводя их под настоящими именами в своих странных писаниях более поздних лет.

Это после занялся он переписыванием сказок из редких и, как он по-старинному называл, «отреченных» (т.е. подвергавшихся запрету) сборников и самым серьезным образом стал считать такое переписывание, произведенное старинным полууставом, либо елизаветинским почерком, либо «плаголицей», — плюс сомнительного, с точки зрения графики, качества рисунки к ним пером или тушью, — это уже потом А.М. Ремизов стал считать такое занятие достойным своего таланта времяпрепровождением. Впрочем, серьезно говоря, бедному Алексею Михайловичу, думается мне, и впоследствии приходилось тут только, что называется, «делать довольное лицо при плохой игре». Думаю, что материальные неурядицы, да вот вечная болезнь жены, да собственная язва в желудке, нажитая во время голодовки в ранней молодости, — что только все эти печальные обстоятельства при-

вели к тому, что А.М. Ремизов, вроде как бы с пеной у рта, по-львиному, стал защищать свою чудаческую литературную деятельность зрелых лет. В нем было много актерского; но поприщем, на котором это его свойство проявлялось, была не сцена, а жизнь.

Выученик Достоевского, он сжился с героями своего учителя так, что каждый из них, как для самого их автора, а может быть и в большей степени, становился его вторым «я». Это естественно выходило, что в своем пристрастии к красивому письму старинными почерками Ремизов подражал «Идиоту» — т.е. князю Мышкину. Однообразие судьбы, связанное и зависящее от узкого и тернистого даже в недавнее былое время, выбранного им для себя профессионально-литературного пути, не позволяло ему проявить в жизни своей черты какого-нибудь Ставрогина, Мити Карамазова или Рогожина. Но многословные тирады рогожинских разговоров были так близки Ремизову, что он, чудилось, мог повторять наизусть их целыми страницами.

Это все было после, но и тогда А.М. Ремизов производил очень странное впечатление. Я не говорю о его наружности; ее описывать не стоит: мы достаточно насмотрелись портретов его в довоенное время. Но его манера говорить: его невинные шутки, для чего-то пересыпанные невинною ложью... А.М. Ремизов открыл мне секрет: «Сплетня, — говорил он, — очень нехорошая вещь — вообще, в жизни, в обществе; но литература только и живет что сплетнями, от сплетен и благодаря сплетням».

И он любил распространять слухи о каких-нибудь не имевшихся в виду ни воображаемым женихом, ни воображаемой невестой сватовствах; и о каких-нибудь, действительных или мнимых, ссорах из-за какого-нибудь нелепейшего «лисьего хвоста» и т.д., и т.д. без конца.

В довольно скором времени, задолго до появления футуристических «желтых кофт», А.М. Ремизов наставлял меня тому, что мне необходимо заняться обращением на себя внимания какую-нибудь экзотичностью костюма, или особым способом еды, или какими-нибудь, что ли, веселыми танцами.

Так и тогда еще, при самом первом своем появлении в столице с толстым романом «Пруд» (принятым, оплаченным и печатавшимся в «Вопросах Жизни»), А.М. Ремизов начал с довольно невинного, но странного в устах писателя сочинительства на ту тему, что ему-де только двадцать три года. Я, знавший нескольких двадцатитрехлетних молодых людей, так и сверкавших молодостью, — в каждом взгляде своих прямых глаз, в каждом шаге своей эластичной походки, — я, помню, страшно удивился. «Неужели можно так постареть в эти годы!» Передо мною был сутулый, со впалой грудью, с редкими волосами, с затемнявшими глаза

очками, со стариковским пепельным цветом лица человек, которому казалось, по крайней мере, около 40 лет. — Да, Ремизов выглядел старообразным, гораздо старше своих 28 лет. Но ведь ему было 28, не 23. Что за нелепая, что за никчемная шутка!

Ремизов рассказывал о том, в каких условиях ему приходилось писать этот свой автобиографический роман. Действительно потрясающие условия и обстановка... Впрочем, в «Пруде» они приблизительно описаны.

Ярко в моей памяти отпечатлелся и рассказ Ремизова о пожаре, заставшем его во время ссылки. О том, как он в одной рубашке выскочил среди ночи на двадцатиградусный мороз, сжимая в руках рукопись, единственное его — и действительно уж наиболее дорогое! — достояние, в то время как жена вынесла из избы дочь и поспешила накинуть на мужа шелковую кофточку. А он со сна выскочил без очков — это, конечно, не могло бы помешать ему найти дорогу под какой-нибудь кров; но таково воздействие на весь внутренний мир отсутствия чего-то постоянно внешне связанного с тобою: Ремизову казалось, что он не может ни шагу двинуться с того места, на которое стал, выбежав из дому.

Но еще сильнее действовали его и жены его рассказы о революционерах. Об одном, умиравшем в далекой ссылке, в страшных физических мучениях и требовавшем, вернее, просившем, в эти часы агонии, чтобы ему читали самые нежные, самые новые стихи поэта, такого далекого, казалось бы, от того, с чем была связана вся жизнь сурового борца за счастье человеческое, — Бальмонта. О таинственной, передававшейся тогда только из уст в уста истории предательства Дегасва. Об избиениях революционеров и просто демонстрантов... О том, что «за себя — все простить можно и должно; но вот за эту, отхлестанную казачьей нагайкой, растоптанную конем конного стражника, шедшую рядом с тобой курсистку простить нельзя; не отомстить за это — нельзя».

И все существо его слушателей постепенно проникалось начинавшим входить в плоть и кровь революционным мироощущением. Это было, по Ремизову, необходимым, хотя и недостаточным, условием для каждого, чтобы он имел право на существование: ненависть к старому строю, вошедшая в плоть и кровь... Но, конечно, не для всех: для сверстников Ремизова и для более молодого поколения. К старшим, вроде Розанова, он мог относиться с уважением, хотя бы они были прямо черносотенцами...

«Но ровесникам своим я никогда не позволю сотрудничать в “Новом Времени”», — говорил он.

Эту газету Ремизовы называли самой смрадной ямой из существующих на земле.

Через несколько лет один литератор из более молодых начал было помещать в литературных приложениях к «Новому Времени» рецензии под своими инициалами. Ремизов сейчас же обнаружил автора. По его настоянию, пишущий эти строки ультимативно потребовал от этого писателя прекращения его сотрудничества в «приложениях» — и с успехом немедленным.

...Впрочем, еще через несколько лет Ремизов сам был совращен в «Лукоморье»...

Я помню, он прибег к некоторым софизмам для своего оправдания. Но ведь тогда вообще уже не было Ремизова-писателя. Автор «Пруда» и «Крестовых сестер» был убит безжалостной жизнью. Оставался только учитель стиля, стиля довольно вымученного, однако ставшего какой-то «собачьей пещерой», через которую сочли своим долгом пройти огромное множество беллетристов, сделавших, как говорится, «завтрашний день» художественной русской прозы.

